

Знамение

Бабка Лукониха видела бога.
Видела дважды – на зорьке и в полдень.
Бог продвигался вдоль Волчьего лога
весь осиянный и в белом исподнем.

С утра обошла всё село и селянам
гуторила новость про чудо святое:
– Гляжу: он идёт, нет, плывёт над поляной,
а над головою кольцо золотое...

И, робко вздыхая, крестилась на гору.
Её утешали резонно старухи:
Знать, сыну Валерке амнистия скоро
иль будет от дочки письмо из Мозжухи...

Наверно, ей это приснилось. Поскольку
старуха – одна, да и бог в её сказе
был явно похожим на Климова Кольку,
что уголь привёз ей бесплатно на МАЗе.

Старая кузница

Копоть и сажа погасших огней.
Вход занавесил подрост тальниковый.
Не оседлать здесь воскресших коней –
ржой изошли стремяна и подковы.

Звон наковальни полынью сокрыт,
звябко несёт из дверей пустотою.
Так просветлённой прохладой сквозит,
будто под кузней колодец с водою.

Льются протяжно сквозь щели лучи
цветом вечерней щемящей печали.
Словно наивного счастья ключи,
счастья, которое не доковали.

Полуистлевшие спицы колёс,
мохом покрыты венцы и стропила.
Ветхую крышу прошила насквозь
жгучим дремучим побегом крапива...

В полночь под лай деревенских собак
скорбная тень кузнеца оживает.
Тяжко вздыхает и курит табак,
в горне остывшем золу разжигает.

Глухо меха проворчат – и огни
вспыхнут на время и тут же погаснут.
Словно хотел озарить наши дни,
но убедился, что это напрасно...

* * *

Приболела старушка: одышка,
ломит грудь. Видно, срок помирать.
И, пока не окликнул Всевышний,
коровёнку решила продать.
На рога нацепила верёвку,
и на рынок с утра побрели.
Через час примостились неловко
у железной ограды в пыли.

Простояли полдня – бесполезно!
Поубавился шум суеты.
Коровёнка меж прутьев железных
обглодала сирени кусты.
Наконец-то, остановился
мужичок. Проявил интерес.
Не торгуясь, с ценой согласился
и уже за деньгами полез.
– Что ж, милоч, не спросил про корову?
Сколь даёт? И которым телком?..
– А зачем? – усмехнулся сурово. –
Не доить, чай, на мясо берём..
– Что ты! – вскрикнула, сердцем немая, –
Разве можно такую под нож?
Обняла коровёнку за шею. –
Ты её у меня не возьмёшь!..
А корова как будто бы знала,
понимала душою немой,
вдруг рванулась из рук, побежала,
со всех ног побежала домой!..
Ничего вроде нету такого,
но пошёл с той поры пятый год:
коровёнка жива и здорова
и старуха здоровой живёт...

Сокровенность

Я возле дерева стоял оцепенело:
шли люди в белом из каких-то стран.
Вот принесли утопленницы тело
и опустили бережно в туман.

Я понял, что река остановилась.
Над мёртвым телом всколыхнулся крик.
Она спала, а мы ей только снились,
мы в сон вошли живыми в этот миг.

И он во мгле полночной длился, длился,
печаль судьбы неведомой тая.
Туман у ног, как смерти мысль, клубился,
и в сердце скорбь как речь небытия.

Вдруг голос птицы – радостный ручей
пролился вниз, он был доступен взгляду.
И я подумал: это соловей.
«Ах, соловей!..» – воскликнул кто-то рядом.

Потом я жить пошёл туда, где свет
сливался с ветром утренних побудок.
И люди в белом мне смотрели вслед,
сквозь мглу веков глазами незабудок...

На заброшенном хуторе

Погасших окон выцветшие ставни,
глухой заплот, поваленный в осот.
И – тишина, как будто слово тайны
сейчас Господь с небес произнесёт.

Покажется, что жизнь людей былая
из этих мест бесследно не ушла,
как память сокровенная, живая,
здесь в тишину незримо проросла.

И ощутишь ознобно чьи-то взоры,
лишь дунет ветер, травы шевеля,
и оживут обрывки разговоров,
мельканье лиц и запахи жилья.

Здесь постоять – как заново воскреснуть
с щемящим чувством грусти и вины.
Всплакнёт ли птица над судьбой окрестной –
и снова станет частью тишины...

После грозы

Прояснились небесные глаза,
раскинулась дуга над водоёмом.
Брела на север медленно гроза,
окрестности облаивая громом.

Дымился под лучами чернозём,
ручьи бросались весело с обрыва.
И наливалась жгучим кипятком
на пустыре воспрявшая крапива.

Закопошились куры в лопухах,
томился запах сена под навесом.
И, не успев обсохнуть, на глазах
ржавело возле кузницы железо.

Кипела в палисаднике сирень,
и затаив дыхание Природа
глядела на умытый ясный день,
как на младенца после трудных родов.

Там, в народной глуши...

Подпоясаны дни то вожжой, то тесьмой.
Живы хлебом и небом разлук.
Деревянными буквами пишут письмо
В министерство почётных наук:
Как построить за баней Егора сельмаг,
Институт благородных колёс,
Чтоб прислали на почту казённых бумаг,
Чтоб земную помазали ось.
Дескать, время скрипит, будто ржавый засов,
Отстаёт от метро и ракет –
Длится день двадцать семь с половиной часов,
Ночь? – единого мнения нет.

Непонятого свойства часы и труды.
То ль ночуют кудесники тут?
На неделе семь пятниц, четыре среды,
Дни другие – в сарае живут.
Из дремучих подворий, бурьянов глухих
Беспользый айфон голосит.
И колхозное знамя побед трудовых
Над избой комбайнёра висит...

Там за Лысой горой – царство вечных болот,
Где по воле небесных огней
Истребительских войск утонул самолёт
И поэт евразийских кровей.

А за взгорком – простор! Свет небесный высок,
В синеве соловейки полёт.
Берендеевым солнцем пронизан лесок,
И душа пасторали поёт!

Выйдет в поле старик, ветхой жизни жилец,
И взглянется в сияющий зной.
Так глядит далеко, словно видит дворец,
Где Господь проживает с семьёй.
В остальном, как и всюду: изба, огород
И следы заплутавших колёс.
На кривое крыльцо выйдет в валенках кот,
Спросит вежливо: – Рыбу принёс?
Голосистый петух известит в лопухах
Об итогах хозяйских забот.
Электронное время придёт в сапогах,
Постоит... И обратно уйдёт.

Там, в народной глуши, бродит хмелем трава,
Облака серебрятся вдали.
Там для песни полезной сыскали слова,
только музыку к ним не нашли.
Там закатных коней стерегут до сих пор
На зелёном в ромашках лугу...
Я б срубил там избу или даже собор,
Да топор подобрать не могу...